

HAL
open science

ОТКЛИКИ НА ПРИСУЖДЕНИЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ: ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ?

Serge Rolet

► **To cite this version:**

Serge Rolet. ОТКЛИКИ НА ПРИСУЖДЕНИЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ: ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ?. От Бунина до Пастернака. Русская литература в зарубежном восприятии, Nov 2009, Moscou, Russia. <hal-01403343>

HAL Id: hal-01403343

<https://hal.science/hal-01403343>

Submitted on 25 Nov 2016

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Серж Роле

ОТКЛИКИ НА ПРИСУЖДЕНИЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ: ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕДВЗЯТОСТЬ?

От Бунина до Пастернака. Русская литература в зарубежном восприятии.
Науч. Ред. Марченко Т. В, Москва, 2011, С. 350-368.

Сначала я хотел рассматривать отклики на присуждение Нобелевской премии русским писателям во французской прессе вообще или по крайней мере в нескольких крупных газетах конца 50-х-начала-70-х годов, отражавших (или, скажем, формировавших) тогда общественное мнение в стране в ту эпоху. Однако пришлось ограничиться одной газетой «Монд» (*LE MONDE*), главным образом, по двум причинам: во-первых, объем материала оказался настолько большим, что справиться с ним даже в общих чертах за короткий срок было совершенно невозможно, а во-вторых, на фоне всех французских газет данного периода «Монд» выделяется так ярко, что, по сути дела, ее нельзя сопоставлять с другими ежедневными изданиями. Объем, качество (точность, уравновешенность, объективность) информации в статьях газеты «Монд», посвященных русским лауреатам, до такой степени превышает объем и качество того, что печаталось в других газетах, что обзор последних может дать лишь незначительные дополнения.

Может показаться, что русские лауреаты Нобелевской премии по литературе имели мало шансов привлечь к себе внимание французской общественности, поскольку актуальность вопросов культуры, как правило, не является столь жгучей, как актуальность политических проблем. В газете «Монд» литературе почти никогда не отводится место передовой статьи: если о литературе и идет речь, то где-то в середине газеты. А иностранной литературе, естественно, уделяется еще меньше места, чем французской. Кроме того, в 1958, 1965 и 1970 гг. тот момент, когда Шведская академия объявила имена русских лауреатов, всякий раз совпадал с очень важными политическими событиями в самой Франции.

В октябре 1958 г. в стране голосовали за новую конституцию, а в декабре выбирали депутатов. Эти выборы были очень важны, поскольку политический режим страны испытывал уже несколько лет глубокий кризис, связанный с вооруженным восстанием в Алжире. Выборы конца 1958 г. должны были разрешить этот кризис.

В 1965 г. присуждение Нобелевской премии совпало с новыми выборами, на этот раз президента Республики. Впервые с 1871 г. президент избирался прямым всеобщим голосованием (до того его выбирали депутаты). В октябре того же года в Москву с официальным визитом приехал министр иностранных дел М. Кув де Мюрвиль. И если приходилось писать о России, тогда нужно было писать прежде всего о политике, о международных отношениях, а не о литературе.

А в 1970 г., к концу октября в СССР приехал уже сам президент Французской Республики Ж. Помпиду с супругой, и это также могло отвлечь внимание французских журналистов от русского лауреата Нобелевской премии А. Солженицына. Тем, кто хотел соблюдать политкорректность во французской прессе (а значит, всем, от представителей про-правительственной прессы до журналистов коммунистической *Юманите* (*L'HUMANITE*)), было неудобно распространяться о литературном гении самого известного советского диссидента: никто не хотел подливать масла в огонь.

Кроме того, нужно уточнить, что в то время, когда в центре политической жизни Франции стоял Шарль де Голь (т.-е. в послевоенный период вплоть до конца 60-х гг.), в стране царила настоящая советофилия. Что касается газеты «Монд», можно говорить о советоцентризме: газета имела пристрастие ко всему тому, что относилось прямо или косвенно к Советскому Союзу. Она, конечно, откликалась на самые важные политические события в СССР, но — что довольно любопытно и даже для нас, людей XXI века, несколько забавно — откликалась и на совершенно второстепенные происшествия, на полусобытия московской злобы дня. Замена Булганина Хрущевым целиком занимает передовую полосу газеты, между тем как победа ЮНР, партии де Голля, на выборах депутатов отведено только три столбца¹. В газете не обходилась молчанием официальная реабилитация маршала Тухачевского и других видных лиц сталинского времени, репрессированных в тридцатые годы². Встречаются отклики на свежие данные об истории СССР, опубликованные в советских газетах, например о том, что в начале войны адмирал Кузнецов не смог добиться от Сталина приказа открыть огонь³. Привлекает также внимание французских журналистов загадочная, как они пишут, судьба маршала Жукова: в газете приводится цитата из итальянской газеты о том, что ему будто бы присущи бонапартистские замашки⁴. «Монд» изобилует сведениями о культурной жизни в СССР, например о том, что показывают в театрах, и о том, какие критические отклики на пьесы появились в советской прессе⁵. В газете «Монд» вышла большая статья по поводу издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого⁶.

В качестве примеров незначительных событий назовем следующие: в газете «Монд» указывается, что И. Петров, глава всех военных оркестров СССР был уволен с поста по причине того, что он «поддерживал культ своей собственной личности»⁷. В газете пишут также о том, что в Москву приехал премьер-министр Бирмы. Для бирманцев это было важно, для граждан СССР, можно предположить, тоже имело определенное значение, но к чему это известие было французским читателям? Когда глава бирманского правительства ехал в другую столицу, «Монд» и не подумала оповещать их об этом.

«Монд» – это самая элитная газета интеллектуальной Франции. Она обращается к высококвалифицированным читателям, живущим в крупных городах страны, к интеллигенции, к студентам-гуманитариям. Такого рода публика не очень интересуется спортом, кроме самых традиционных и популярных событий, как Олимпийские игры или Тур де Франс. Поэтому удивительно появление в газете довольно больших

¹ Г-н Хрущев сменил маршала Булганина на посту главы русского (sic) правительства [M. Khrouchtchev remplace le maréchal Boulganine à la tête du gouvernement russe]. LE MONDE. 28 mars 1958. P. 1.

² Маршал Тухачевский официально реабилитирован [Le maréchal Toukhatchevski est officiellement réhabilité]. LE MONDE. 9 septembre 1958. P. 5 (без подписи).

³ В первый день немецкого нашествия командующий советским флотом не смог добиться от Сталина приказа открыть огонь [Le premier jour de l'invasion allemande le commandant de la marine soviétique ne put obtenir de Staline l'ordre d'ouvrir le feu]. LE MONDE. 5 novembre 1965. P. 8 (без подписи).

⁴ Б[ернар] Ф[ерон]. Bernard Féron]. «Маршал Жукова проявлял бонапартистские тенденции» [«Le maréchal Joukov avait des tendances bonapartistes»]. LE MONDE. 1er novembre 1957. P. 1.

⁵ Андре Пьер [André Pierre]. Начало театрального сезона в СССР [Le début de la saison théâtrale en URSS]. LE MONDE. 21-22 septembre 1958. P. 15.

⁶ Андре Пьер. Памятник советского издательства. Полное собрание сочинений Толстого в 90-х томах [Un monument de l'édition soviétique. Les œuvres complètes de Tolstoï en quatre-vingt-dix volumes]. LE MONDE. 17 septembre 1958. P. 8.

⁷ Начальник всех военных оркестров СССР был уволен с поста [Le chef de la musique militaire soviétique a été limogé]. LE MONDE. 16 octobre 1958. P. 6 (без подписи).

материалов о советских футбольных или волейбольных командах, приехавших во Францию на турниры, и еще удивительнее, когда в газете пишется о матче, который происходит в Англии без участия французских спортсменов: достаточно, чтобы в нем играла советская команда⁸. Таково пристрастие газеты «Монд» к всему тому, что относится к «стране Советов».

Теперь об идеологической предвзятости.

Нужно сказать, что, против ожидания, в той манере, в которой газета «Монд» откликается на советскую современность, можно уловить определенное созвучие с коммунистической пропагандой. «Монд» – газета левоцентристского направления с умеренным, но открытым христианско-демократическим оттенком. Она ничего не имеет общего с ортодоксальной коммунистической газетой «Юманите». В «Юманите», кстати, «Монд» непрестанно ругали, считая ее типично буржуазной, лже-демократической газетой лицемерного иезуитского антисоветского настроения. Общедемократическая направленность газеты «Монд» не мешала, однако, проникновению в нее некоторых советских стереотипов и про-советских позиций. Стоит взглянуть на названия больших тематических рубрик газеты. Одна из них звучит так: «социалистический лагерь». Под этим подразделением внешнеполитической рубрики (другие разделы : «Европа», Азия» и т. п.) помещены статьи, в которых говорится о странах восточной Европы и вообще о территориях, принадлежащих к сфере влияния СССР. В газете выражение «социалистический лагерь», выдвинутое советской пропагандой, употребляется совершенно обыденно как будто оно было безобидно-нейтральным. Очень большое количество информации о СССР приводится в газете «Монд» через агенство ТАСС, и это вполне можно понять: ТАСС было ближе к источникам информации, к «фактам». Но очень часто «факты» подаются в газете «Монд» без комментария, без дистанции, и это они способствует распространению во Франции ряда общих мест, в силу чего читающая публика постепенно убеждалась в том, что СССР находится на стадии «развитого социализма», и занимает в международных отношениях позиции того, кто хочет «мира».

О росте же советской экономики и вовсе приводились фантастические данные. Перспективы, указанные советскими лидерами в области производства и уровня жизни населения, принимались всерьез. Встречаются, скажем, статьи о том, что СССР опередил США в области технологии. Показательно следующее высказывание конца 1950-х гг.: «Ответственные работники государственного департамента и другие специальные службы лихорадочно стараются определить смысл и важность тройного наступления, предпринятого Советским Союзом против Запада в области политики, дипломатии и экономики.[...] Еще одна тема, кажется, привлекает все больше и больше внимание членов отдела политического и экономического планирования государственного департамента. Речь идет о новом семилетнем плане, обнародованном советским премьер-министром в конце недели. Большинство квалифицированных американских комментаторов рассматривают этот план как самый амбициозный документ, когда-либо опубликованный Москвой. Согласно преобладающему мнению, если господину Х[рущеву] удастся ценой огромных жертв, которые он потребует от советского народа, добиться целей, о которых он заявил, коммунистический мир сможет, возможно, в течение ближайших десяти лет одержать победу в экономической войне, которую он ведет с Западом [...]».

⁸ Англия хочет взять реванш над СССР [L'Angleterre entend prendre sa revanche sur l'U.R.S.S.]. LE MONDE. 22 octobre 1958. P. 6 (2500 знаков. Без подписи).

В эпоху правления де Голя идея о том, что самым надежным типом организации является «социализм», не вызывал принципиальных возражений во французском обществе, в самых широких его слоях.

В газете «Монд», например, могли попадаться статьи, в которых рассуждали о «восточном чуде», имея в виду достижения восточной Германии в области экономической реконструкции и промышленного развития страны: «Экономическое чудо Западной Германии сравнимо с не менее потрясающим развитием Восточной Германии». Указывалось даже, что «в 1955 году в Восточной Германии производство электроэнергии на душу населения уже было выше, чем в Западной Германии»⁹.

Оценка достижений «социалистического лагеря» опирается на наивное восприятие официальных советских данных, как будто они были такими же достоверными, как любые другие обычные статистические данные. Пример тому – убеждение в том, что доля военных кредитов в общем бюджете СССР постоянно уменьшалась, и это убеждение соответствовало тому, что объявляли об этом советские лидеры: «Господин Гарбузов объявил о пятипроцентном повышении расходов на военные цели, что достигает 13 миллиардов 400 миллионов рублей, то есть 12,8% всего бюджета. Бюджет на военные цели был снижен в прошлом году на 500 миллионов рублей. Но с другой стороны, некоторые статьи расходов на оборону, не представленные как таковые в бюджете, на самом деле, относятся к расходам на военные цели»¹⁰. Такого типа данные приводятся в газете из года в год. «Военные расходы сохраняются на уровне прошлого года, в то время как государственные расходы, постепенно нарастая, продолжают увеличиваться в течение многих лет. [...] Бюджетная часть расходов на оборону уменьшилась в процентном отношении : с 12,4% в 1970 до 11,1% в 1971 в пользу более продуктивных секторов [...]»¹¹

Согласно американским экспертам, читатели газеты «Монд» могли убедиться в том, что в гонке вооружений США уже отстают от СССР¹². «Профессор Виснер очень сожалеет, что государственные лаборатории были неспособны привлечь и сохранить многих первостепенных ученых. [...] Господин Аллен из СРУ заявил : “ Проблема не в том, чтобы произвести достаточно стали, станков или электронного оборудования для выпуска определенного количества пушек, самолетов или управляемых ракет. Самым важным является гонка технологий, которая имеет капитальное значение для качества нашей будущей системы вооружений [...]”. Таким образом, еще задолго до запуска спутника лучшие умы в Соединенных Штатах были озабочены тяжеловесностью и медлительностью американской системы в сравнении с советской в области экономического, научного и военного соревнования»¹³.

Стержнем довольно многочисленных публикаций, в которых сравниваются «капиталистическая» и «социалистическая» системы является идея о том, что первая – потенциально более эффективна, а соревнование между ними может кончиться победой социализма. Профессору М. Дюверже кажется, что такое решение конфликта между двумя системами, в конце концов справедливо, поскольку социализм имеет наибольшие достоинства не только в области политики и экономики, но и в моральном

⁹ Анри Смоткин [Henri Smotkine]. Неизвестная Германская Демократическая Республика. Восточное чудо [La République démocratique allemande, cette inconnue]. LE MONDE. 5 décembre 1958. P. 5.

¹⁰ Анри Пьер [Henri Pierre]. Сессия Верховного Совета [La session du Soviet Suprême]. LE MONDE. 9 décembre 1965. P. 5.

¹¹ LE MONDE. 10 décembre 1970. P. 3.

¹² Анри Пьер. Сессия Верховного Совета. Указанная статья.

¹³ Клод Жюльен [Claude Julien]. Доклад американских экспертов: Слабость американской системы в соревновании с СССР. [Un rapport d'experts américains: Les faiblesses du système américain dans la compétition avec l'U.R.S.S.] LE MONDE. 6 septembre 1965. P. 14.

смысле. Ведь цель социализма, – это не что иное, как универсальное равенство между людьми. В этом лежит главное аксиологическое преимущество социализма, при всех временных недостатках его конкретных реализаций. Дюверже пишет: « В западных обществах 1965 года наблюдается меньше неравенства, нежели в тех же обществах в 1865 году. Но неравенство в них остается еще сильным. В СССР диапазон доходов менее широк, чем в капиталистических странах. [...] Тезис об абсолютном обнищании работающих не очень поддерживается в современном капитализме. Но тезис об относительном обнищании там, кажется, установившимся : доля заработной платы в общей системе доходов [...] стремится больше к понижению, чем к увеличению. Еще в течение долгого времени и, вероятно, всегда равенство не будет ничем другим, как равенством шансов в начале жизни. В этом отношении разница между капитализмом и социализмом остается значительной. [...] Стремление классов к воссозданию является естественным процессом, который требует постоянного внимания и который нельзя полностью устранить. По меньшей мере, он ограничен до минимума в социалистических странах. Равенство шансов не является всеобщим, но оно возможно и велико. [...] Два аргумента могут вызвать долговременное превосходство социализма. Капитализм, возможно, и обеспечивает лучшую организацию внутри каждой фирмы, на уровне микро-экономики, но не имеет настоящей общей организации продукции на уровне макроэкономики. До тех пор пока организация этого типа была технически невозможна, [...] эта слабость не была видна. Но эволюция стремится к улучшению планирования, то есть к тому, чтобы сделать более эффективной организацию макроэкономики, которая не может работать в рамках личной собственности предприятий. [...] Капиталистические общества держатся благодаря той доле социализма, которая в них есть. [...] после отчуждения собственности нищетою, а затем потреблением, если потребление не является реальной необходимостью. Капитализм не может его отменить, не отказываясь, хотя бы временно, от стремления к максимальной прибыли, то есть не переставая быть капитализмом. Теоретически, социализм может это, так как он стремится организовать экономику в прямой связи с общим интересом, без отказа от прибыли»¹⁴.

Такие взгляды не могут не сказываться в области культуры. Когда Анри Пьер или Мишель Татю пишут хронику или маленькую заметку о советской литературе, например о судьбе Пастернака, они волей-неволей руководствуются представлениями, близкими к просоветским предубеждениям, о которых шла речь. Они не пользуются советским кодом, знаменитым деревянным языком, как это делалось в «Юманите», но сообщение, содержание того, о чем они писали, пропитано немалой долей советской идеологии. Словом, рамка, в которую вписывается все то, что пишется в газете «Монд» о Советском союзе, в том числе о событиях вокруг присуждения Нобелевской премии русским писателям, такова: хрущевский и брежневский СССР принципиально отличается от сталинского. Что бы ни творили власти против Пастернака и Солженицина, неколебимым остается представление о том, что жестокость – это все-таки прошлое.

В статье, посвященной публикации в августе 1958 г. перевода *Доктора Живаго* на французский язык, Андре Фонтен писал, что невозможно представить других, более молодых Пастернаков. Но отклик, который, по некоторым свидетельствам, находит мысль Пастернака у молодого поколения, является, по его мнению, знаковым. «Это также знак того, – добавлял Фонтен, – что режим ничего не может сделать против хранителя ценностей, чуждых этому режиму»¹⁵.

¹⁴ Морис Дюверже [Maurice Duverger]. Социализм и Запад [Le socialisme et l'Occident], LE MONDE. 5 septembre 1965. P.1-5 (около 9700 знаков).

Тут очевидна некоторая идеологическая предвзятость, только не та, которая ожидается от такой «буржуазной» газеты, как «Монд». При этом нужно добавить, что в «Монд» проявление интереса и даже сочувствия к СССР сочетается с щепетильными реакциями на нарушения там прав человека. Вот в общих чертах контекст, который нужно иметь в виду, когда затрагивается вопрос о восприятии во Франции присуждения Нобелевской премии русским писателям.

Количество и общий объем статей, посвященных этим событиям, превышает количество и объем подобных статей, касающихся французских лауреатов премии вообще, и лауреатов премии по литературе в особенности. Тут очень показательно сопоставление статей о Пастернаке, с одной стороны, и Сартра, с другой. Сартр был лауреатом премии в 1964 г. Он предупредил, что в случае, если ему дадут премию, он от нее откажется. Шведская Академия решила не учитывать сартровских предупреждений, и, несмотря ни на что, выбрала лауреатом французского экзистенциалиста. Сартр сам настоял на своем, отказался от премии, в Стокгольм не ездил. В «Монд» довольно подробно анализировалась позиция Сартра, но, несмотря на то, что писатель был тогда *enfant terrible* французской литературы и пользовался огромным успехом во всем мире, эта тема в газете обсуждалась относительно недолго.

Пастернак привлекал внимание газеты значительно дольше. О нем публиковались статьи чуть ли не каждый день в течение двух недель начиная с 23 го октября 1958 г. Последняя статья о присуждении Нобелевской премии Пастернаку была напечатана в газете 11 декабря 1959 г¹⁶.

Когда появились первые известия о том, что лауреатом Нобелевской премии могут быть Пастернак и датская писательница Карен Бликсен-Финеке, об этом, конечно, уже писали в газете «Монд», но как об информации не самой первой важности. Известие же о награждении русского писателя заслужило большой передовицы на первой странице¹⁷.

Что касается художественных достоинств творчества Пастернака, о них сравнительно мало писали в газете «Монд» осенью 1958 г. Действительно, в газете преобладала событийно-политическая информация. Через два дня после присуждения Пастернаку звания лауреата, специальный корреспондент газеты Мишель Татю рассказывал о своем визите на дачу писателя, о впечатлении, которое произвел на него писатель, о том, как он одет, какой у него голос, какая походка¹⁸. В следующие дни в газете начали уже беспокоиться: не лишится ли писатель дачи в Перedelкине, не вышлют ли его с территории СССР?¹⁹ Вот вопросы, на которые корреспонденты газеты пытались ответить с конца октября до середины декабря 1958 г. В газете «Монд» перепечатывались довольно большие отрывки из «Литературной газеты» и «Правды»,

¹⁶ См. Мишель Татю [Michel Tatu]. Несмотря на атаки съезда русских писателей, «дело Пастернака» кажется закончено в Москве [En dépit des attaques du congrès des écrivains russes, «l'affaire Pasternak» semble terminée à Moscou]. LE MONDE. 11 décembre 1958. P. 7 (около 9800 знаков).

¹⁷ Бернар Ферон. Пастернак – лауреат Нобелевской премии. Поэт мира [Pasternak prix Nobel de littérature. Un poète de l'universel]. LE MONDE. 24 octobre 1958. P. 1 (около 6500 знаков).

¹⁸ См. М. Татю. «Это награждение является для меня моральной поддержкой; скажите также, что моя радость одинока», заявил газете Монд Борис Пастернак, новый Нобелевский лауреат [«Cette distinction est pour moi un soutien moral ; dites aussi que ma joie est bien solitaire» déclare au Monde Boris Pasternak, nouveau prix Nobel]. LE MONDE. 22 août 1958. P. 4.

¹⁹ См. После присуждения Нобелевской премии. Москва поздравляет себя с честью, которая выпала на долю советских ученых [Après l'attribution des prix Nobel. Moscou se félicite de l'honneur qui échoit aux savants soviétiques] (без подписи). LE MONDE. 30 octobre 1958. P. 11 (около 4000 знаков). См. также: М. Татю. Будет ли выдворен Пастернак из СССР ? [Pasternak va-t-il être expulsé d'U.R.S.S.?]. LE MONDE. 2-3 novembre 1958. P. 2 (около 5500 знаков). См. также: М. Татю. Советские власти не приняли еще никакого решения о судьбе Пастернака [Les autorités soviétiques n'ont encore pris aucune décision sur le sort de Pasternak]. LE MONDE. 4 novembre 1958. P. 5.

где французские читатели могли ознакомиться с очень агрессивной по отношению к Пастернаку и Шведской Академии реакцией советских официальных инстанций²⁰. Не прошло еще недели со дня, когда генеральный секретарь Академии Андерс Эстерлинг дал знать о выборе Пастернака лауреатом Нобелевской премии, как спецкор газеты в Стокгольме предупредил, что там «уже не смеют надеяться, что Пастернак приедет»²¹. Правда, политически менее заинтересованные статьи о *Докторе Живаго* были опубликованы в газете раньше, до самого «дела»: первая в декабре 1957 г., когда вышел в свет итальянский перевод романа, вторая в августе 1958 г., когда в свою очередь появился французский перевод²².

Очень внимательно следили журналисты газеты «Монд» за изменениями позиции писателя о том, «желает» ли он принять премию, поедет ли он в Швецию ее получать²³. Подробно рассказывали о реакциях лидеров Союза писателей на слова Пастернака, о кажущихся разногласиях между ведущими лицами Союза и высшими партийными кругами²⁴. Пытались догадаться, какое значение имеет отсутствие имени того или иного писателя в списках тех, кто обвинял Пастернака в нелояльности к Советскому Союзу. И после того, как стало окончательно ясно, что в Швецию он вынужден не ездить, завязалась в газете «Монд» дискуссия о том, кто в конечном счете в этом виноват – советские власти, или Шведская Академия? Уже сама тема дискуссии многое позволяет понять в идеологическом климате, в котором возникал тогда во Франции любой вопрос, связанный со «странами реального социализма». Если в СССР происходило что-то, чего нельзя было одобрить, то за этот факт должен был отвечать не коммунистический режим, не советские лидеры, а, наоборот, люди, сами пострадавшие от этого факта, или политико-социальные силы, поддерживавшие или защищавшие жертв. Причину зла нужно было искать в поступках тех, кто внутри системы сопротивлялся ей, или где-то вне системы, в «антисоветских» кругах, существовавших в «капиталистических странах».

Очень известный в 50-60-е гг. писатель, профессор и литературный критик Этиамбль считал, что в деле Пастернака вся вина лежит на плечах западной прессы. Этиамбль утверждал, что он познакомился с Пастернаком « в один день 1934 г. на Красной площади» и с тех пор восхищается им как человеком, «который не уступает, не позволяет себе хотя бы один идиотский, официальный стих». Значит, пишущий так Этиамбль не враг, а самый лучший друг писателя. «Я не могу одобрить оборот, который принимает у нас “дело Пастернака”. Говорят о мученике. И давай собирать пожертвования для жертвы еще более жестокого режима, чем сталинский и т. д. [...] Несмотря на сдержанность, с которой мне говорили там и здесь о Пастернаке-писателе, я вскоре увидел, что в московских театрах играли Шекспира в его переводах, что вопреки тому, что утверждается на Западе, имя переводчика фигурирует на афише.

²⁰ См. Литературная газета сообщает о провокации. «Доктор Живаго – гнусное, мелкое, не представляющее никакой ценности произведение [La Literatournaia Gazeta parle de provocation. «*Le docteur Jivago est une œuvre vile, insignifiante, sans valeur*], LE MONDE. 26-27 octobre 1958. P. 1. (около 1500 знаков). См. также: Мишель Татю. Враг советского общества, согласно газете Правда [Un ennemi de la société soviétique, selon la PRAVDA] ». LE MONDE. 28 octobre 1958. P. 9 (около 5000 знаков).

²¹ Доминик Бирманн [Dominique Birman]. Стокгольм не надеется больше на приезд Пастернака... [Stockholm n'ose plus guère espérer la venue de Pasternak...]. LE MONDE. 29 octobre 1958. P. 6.

²² Андре Фонтен [André Fontaine]. Французский перевод шедевра Пастернака *Доктор Живаго* [Le chef-d'œuvre de Pasternak, *Le Docteur Jivago*, en traduction française]. LE MONDE. 22 août 1958. P. 6.

²³ См. М. Татю. Заявление в газете Монд Бориса Пастернака [Une déclaration au Monde de M. Boris Pasternak]. LE MONDE. 22 août 1958. P. 4.

²⁴ См. М. Татю. На съезде русских (sic) писателей. Господин Соболев напомнил в присутствии г-на Хрущёва о предательстве Бориса Пастернака [Au Congrès des écrivains russes. M. Sobolev évoque en présence de M. Khrouchtchev la trahison de Boris Pasternak]. LE MONDE. 9 décembre 1958. P. 6 (около 5000 знаков).

Затем я узнал, что мученик держит открытый стол у себя на даче, куда приезжает весь мир, чтобы воздать ему почести, что он охотно читает свои неизданные произведения, которые на глазах властей ходят в перепечатанных на машинке текстах [...]; я узнал, наконец, что несмотря на письмо, в котором редакторы Нового мира отказались принять к публикации рукопись Пастернака, шли настоятельные разговоры о публикации там; в этот момент несдержанность итальянского издателя запустила “дело” и подорвала надежды либералов.[...] Через два дня после присуждения Нобелевской премии один сотрудник заявил еще : “Мы весьма восхищены поэтом и переводчиком”. Официальное молчание не предвещало ничего хорошего. Тем не менее, у меня сложилось впечатление, и не у меня одного в Москве, что если бы западная пресса проявила некоторую сдержанность, все могло бы развиваться по-другому. Она же проявила бестактность, интерпретируя это награждение, как оскорбление Советского Союза.[...] Бестактность досадную тем более, что оппозиция нераскаившихся сталинистов не мешает господину Хрущеву возвращать трудящимся вкус к жизни, крестьянам – любовь к земле, интеллектуалам – кое-какие необходимые свободы²⁵».

Етиамблю вторил сотрудник газеты «Монд» Анри Пьер, известный в качестве «очень опытного специалиста по русским вопросам». Анри Пьер держится мнения, что в Нобелевской Академии поступили неосторожно, выбрав лауреатом Пастернака²⁶. По его мнению, шведские академики бросили вызов советскому государству. Он считает, что именно академия несет ответственность за то, что вопрос о присуждении премии стал политизироваться²⁷. На то, что в *Докторе Живаго* ничего нет против революции и советского строя, Етиамбль и А. Пьер не обращают внимания, как будто тут важна было не литература, не текст, а политика.

Следует уточнить, что в газете Етиамблю и Пьеру противоречил такой же известный тогда интеллектуал Пьер-Анри Симон. Симон писал, что гнусно вели себя скорее всего не западные журналисты, а конечно писатели из Союза Российских писателей²⁸. В редакции газеты «Монд» не было, значит, единодушной позиции о том, как нужно понимать «дело Пастернака», но сам факт, что в газете возник спор об ответственности за него показывает, насколько было трудно тогда во Франции говорить о глубокой порочности «социализма».

Имя М. Шолохова ко времени, когда разгоралось дело Пастернака, читателям газеты «Монд» было уже известно. Етиамбль в упомянутой статье передавал слова одного своего московского коллеги о том, что было бы естественнее, если бы вместо Пастернака Шведская Академия выбрала писателя, не отрицавшего советские ценности, хотя бы Шолохова, например. Об авторе *Тихого Дона*, как о возможном лауреате Нобелевской премии, говорили уже несколько лет.

²⁵ Етиамбль [Étiemble]. Один среди своих [Un homme seul parmi les siens]. LE MONDE. 4 novembre 1958. P. 5.

²⁶ Анри Пьер [Henri Pierre]. Ответственные [Les responsables]. LE MONDE. 8 novembre 1958. P. 6.

²⁷ Еще в самом начале дела, в газете «Монд» были приведены слова Андерса Эстерлинга о том, что «выбор Академии был обусловлен только литературными заслугами Пастернака». Шведский поэт тут же уточнял: «Ну, конечно, мы все хорошенько взвесили». Это высказывание так комментировалось в газете «Монд»: «Легко поверить, что уважаемая компания без всякого лукавства выбирает из всех советских писателей того, который наименее послушен официальным лозунгам» (Доминик Бирман [Dominique Birman]. Пастернак или выбор величия [Pasternak ou le choix de la grandeur]. LE MONDE. 25 octobre 1958. С. 9.

²⁸ Пьер-Анри Симон [Pierre-Henri Simon]. Дух в оковах [L'esprit aliéné]. LE MONDE. 8 novembre 1958. P. 6 (на одной странице со статьей А. Пьера).

Интересно посмотреть, как откликнулись журналисты газеты «Монд» на присуждение премии на этот раз сугубо ортодоксальному писателю. Оказалось, что в статьях газеты *Монд*, в которых рассказывалось о Шолохове, преобладал не политический подход к событию, как в случае Пастернака, а спокойный литературный обзор. Складывается впечатление, что, воспользовавшись присуждением Нобелевской премии, в газете пытались познакомить французских читателей с крупнейшим писателем, не обращая уже внимания на то, каково его отношение к советской системе, какими были его политические позиции, как будто само творчество Шолохова было выше его общественной роли. О его ужасных высказываниях по поводу таких писателей, как Пастернак, в газете «Монд» никто не распространялся. О Шолохове публиковались очень лестные статьи, где интерпретировался его эпический талант. Рассматривалось любопытное, с точки зрения французских читателей, соотношение партийности, коммунистической ангажированности писателя с самым настоящим реализмом в его произведениях. Такого рода вопросы обсуждали не обычные сотрудники газеты, а не кто иной, как переводчик восьми томов (во французском издании) *Тихого Дона*, в будущем известный театральным режиссер Антуан Витез. Он заявляет: «Непонятно, как такое не очень “триумфалистское” произведение, как *Тихий Дон*, могло быть опубликовано в такое время, когда духовная деятельность была подчинена террору. А произведение Шолохова является не только объективным описанием гражданской войны, и уже эта объективность сама по себе вызывала скандал, но в нем присутствует другая политическая мораль, отличная от притворно оптимистической морали сталинской эпохи. Но недостаточно сказать, что Шолохов показывает сложность истории. Произведение, которое довольствовало бы показом того, что все не так просто и что все могут ошибаться, было бы только честным. *Тихий же Дон* ошеломляет тем, что в конце концов понимаешь, почему пролетарская революция не представляет интереса для казаков»²⁹

В газете «Монд» также попросили высказать свое мнение одного из лучших знатоков русской литературы, профессора Сорбонны Анри Гранжара. Из интервью, которое газета взяла у него, приводится в газете очень короткая, но вместе с тем очень положительная характеристика Шолохова: «Шолохов – самый значительный русский писатель, начиная с 1924 года. Его заслуга состоит в том, что он писал свое произведение в годы спада литературной деятельности, во времена Сталина. В это время он был одним из тех редких писателей, которые создавали произведения мирового уровня»³⁰.

Можно сделать вывод, что в 1965 году в газете «Монд» Шолохову не мстили за Пастернака. О нем говорили прежде всего как о крупном художнике, и в газете так же, как во французском обществе, никто не сожалел о том, что ему присудили Нобелевскую премию. А что касается прав человека, то Шолохова тогда представляли в газете «Монд» одновременно как самого настоящего коммуниста и как своего рода защитника репрессированной интеллигенции: «Правда ли, как утверждал Хрущев три года тому назад, что весной 1933 года Шолохов написал два письма Сталину, чтобы выразить свой протест против произвола, который тогда царил на Дону? Это правдоподобно. Во всяком случае, в произведении, которое он тогда создавал, не скрывались драматические стороны коллективизации. В нем даже можно увидеть критику, сознательную или неосознанную, политики генерального секретаря»³¹. От

²⁹ Антуан Витез [Antoine Vitez]. Странная ортодоксальность Шолохова [L'insolite orthodoxie de Chokolov]. LE MONDE. 17-18 octobre 1965. P. 9.

³⁰ Анри Гранжар [Henri Granjard]. LE MONDE. 17-18 octobre 1965. P. 9 (без названия).

³¹ Б. Ферон. Нобелевская премия по литературе [Le prix Nobel de littérature]. LE MONDE. 16 octobre 1965. P. 10.

Шолохова ожидают, чтобы он пользовался своим положением лауреата, чтобы он вступался за преследованных интеллигентов, например, за Синявского, который только что был арестован в Москве. Б. Ферон считал, что «теперь, когда признаны его заслуги, Шолохов, вероятно, понимает, что почести, которыми он пользуется, заставляют его брать на себя некоторые обязательства. Хочется думать, что иногда он вспоминает о другом советском лауреате, который был вынужден отказаться от Нобелевской премии. Думая о Пастернаке, не был ли Шолохов озабочен судьбой Синявского? Только Шолохов благодаря своему положению мог вступить за писателя, сидящего в тюрьме»³². Увы, надежды, возложенные французской интеллигенцией на Шолохова, оказались более чем тщетными, и об этом в редакции газеты «Монд» вспомнили, когда через несколько лет получил премию А. Солженицын.

В 1970 г. французская советомания была уже не такой сильной, как до нашествия войск Варшавского договора в Чехословакию летом 1968 г. Благосклонность к советскому образцу уступает более прозорливому отношению к нему, и этот новый взгляд не может не сказываться на манере, в которой во французской прессе откликались на присуждение Нобелевской премии А. Солженицыну.

Во Франции Солженицын был известен широкой публике еще до присуждения ему Нобелевской премии. Перевод *Одного дня Ивана Денисовича*, вышедшего в свет в 1963 году, пользовался огромным успехом, каким ни Пастернак, ни Шолохов до избрания их лауреатами премии не пользовались. К тому же, Солженицын уже не один раз давал о себе знать, как о непоколебимом диссиденте. Название одной из первых статей, опубликованных в газете «Монд» после его выбора Шведской Академией, такое: «Коронованный герой» Политическое значение избрания Солженицына лауреатом было признано открыто. Изменение идеологического климата особенно ощутимо в переоценке Шолохова, о котором снова заговорили в связи с присуждением премии Солженицыну. Его уже не так хвалят, как раньше, пять лет тому назад. Б. Ферон писал: «[Избирая Пастернака], члены жюри тогда без специального намерения спровоцировали мировой скандал. Советская пропаганда облила их грязью, обвиняя в том, что с момента учреждения премии жюри выбрало только двух русских писателей, да и то тех, которые были в натянутых отношениях с режимом: Бунина, который покинул страну, и Пастернака, которого партия считала «внутренним эмигрантом». Семь лет спустя жюри реабилитировало себя, избирая лауреатом советского писателя, находящегося в фаворе у власти. Шолохов, кажется, способен теперь только на составление дерзких речей против своих либеральных собратьев. Иногда его просили встать на защиту некоторых интеллектуалов, оказавшихся в трудном положении. Он же довольствовался тем, что требовал наказания нонконформистов. Жюри Нобелевской премии искало писателя, гонимого за свой талант. Оно нашло свободного человека»³³.

Пристальное внимание французских обозревателей к политическому значению избрания Солженицына лауреатом премии не мешает им интересоваться собственно художественным аспектом его произведений. Наоборот, они утверждают, что суть его сочинений неразрывно связана с личным опытом человека, пострадавшего от сталинских репрессий: «Возможно ли во второй половине XX века достичь самых высоких вершин искусства писать, не предаваясь формальным новаторским экспериментам, не прибегая к приемам “художественного искажения”? Возможно ли в

³² Б. Ферон. Шолохов, Пастернак, Синявский [Cholokhov, Pasternak, Siniavski]. LE MONDE. 24-25 octobre 1965. P. 9.

³³ Б. Ферон. Десять лет спустя после Пастернака [Dix ans après Pasternak]. LE MONDE. 9 octobre 1970. P. 5.

наше время утвердиться в качестве гиганта литературы, не выходя за классические рамки великого реализма?»

Эмигрировавший во Францию в 1947 г. польский писатель Петр Равич пишет: «Величие писателя-реалиста Солженицина, и на этом нужно настаивать, так как именно в этом заключается, согласно нашему мнению, его отличие от западных собратьев такого же ранга, было бы немыслимо без чувственного исторического и общественного опыта человека и советского гражданина Солженицина»³⁴.

Через несколько дней после того, как стало известно о присуждении премии Солженицину, в газете «Монд» вышло о нем довольно большое досье, объемом в добрые две страницы, в котором можно было найти несколько отрывков из его произведений разных жанров (*Путешествия вдоль Оки, Захар Калина*). Эти отрывки сопровождалась статьями двух специалистов по эстетике и русской литературе, Ж.-М. Пальме и Ж. Нива. Первый дал обзор генезиса понятия «соцреализм», второй познакомил французских читателей с рассказами и крохотками писателя³⁵.

Верным знаком того, что в 1970 г. французское общество начинало смотреть на СССР уже более трезво, чем в предыдущий период, когда доминировала советомания, является тот факт, что о Солженицине отзывались положительно люди, принадлежащие к про-коммунистическим кругам, занимая тем самым позицию, в которой можно было уловить известную долю критики по отношению к политике советских вождей в области культуры. В газете «Монд» была опубликована, например, статья о заявлении в поддержку Александра Исаевича из журнала «Летр франсез» («Lettres françaises» = «Французская литература»), редактором которого был Арагон³⁶.

³⁴ Петр Равич [Petr Rawicz]. Коронованный герой. [«Un héros couronné»]. LE MONDE. 9 octobre 1970. P. 1.

³⁵ Жан-Мишель Пальме. [Jean-Michel Palmier]. Злоключения социалистического реализма [Les mésaventures du réalisme socialiste]. Ж. Нива [Georges Nivat]. «Рассказы и крохотки» [«Études et miniatures»]. LE MONDE. 23 octobre 1970. P. 18.

³⁶ «Летр франсез»: выбор Солженицина – один из тех, которые оправдывают Нобелевскую премию [«Les lettres françaises»: le choix de Soljénitsyne est de ceux qui justifient le prix Nobel]. LE MONDE. 14 octobre 1970. P. 2 (без подписи).